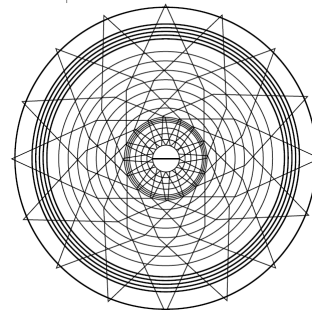

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

<https://doi.org/10.17323/cmd.2026.42983>

КОНСПИРОЛОГИЯ КАК ВИДОВАЯ ФОРМА ТОТАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Шилова В. А.

кандидат социологических наук,
руководитель Лаборатории инфосоциальных технологий,
Институт социологии ФНИСЦ РАН
(Москва, Россия)
vshilova@yandex.ru

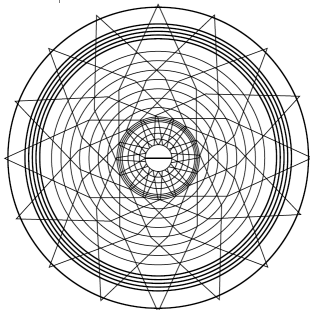
Бексалиев Т. Р.

студент бакалаврской программы «Социология»,
Государственный академический университет гуманитарных наук
(Москва, Россия)
beksalievtimur@gmail.com

Аннотация:

Статья представляет собой теоретическое обоснование конспирологических теорий как специфической формы тотальной идеологии. Актуальность исследования обусловлена парадоксом эпохи «постидеологии»: вопреки прогнозам об исчерпании больших политических нарративов, конспирологические теории не только не утрачивают своего влияния, но и приобретают новые формы, успешно конкурируя с официальными институтами знания и мобилизуя сторонников вне государственного принуждения. Цель работы — на основе сравнительного анализа структурных элементов и социальных функций подтвердить или опровергнуть гипотезу о сущностном родстве конспирологии и тотальной идеологии. Методологическую основу исследования составляет структурно-функциональный анализ, дополненный теоретической рамкой социологии знания К. Мангейма, теории гегемонии А. Грамши и концепции интерпелляции Л. Альтюссера. Результаты работы демонстрируют, что конспирология обнаруживает структурный изоморфизм с тотальной идеологией по четырем базовым элементам (бинарная картина мира, фигура врага, объяснительная схема, устойчивая к фальсификации, и фигура носителя истинного знания), а также выполняет те же три социальные функции: интеграционную, мобилизационную и легитимирующую. С привлечением теоремы функционального анализа Р. Мертона обосновывается, что конспирология является не функциональным эквивалентом идеологии, а ее видовой формой. Авторы приходят к выводу о том, что специфика конспирологии как формы идеологии определяется отсутствием институциональной опоры, которая компенсируется эпистемической замкнутостью, эсхатологическим напряжением и сакрализацией повседневности. Предложенная концептуализация позволяет рассматривать конспирологию не как патологию индивидуального

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

мышления, а как системный социальный феномен, производящий и воспроизводящий коллективные смыслы в условиях кризиса легитимности официальных институтов.

Ключевые слова: тотальная идеология, конспирология, конец идеологии, гегемония, социология знания, структурно-функциональный анализ

1. Введение

В современном социогуманитарном знании конспирологические теории все чаще рассматриваются не как маргинальные заблуждения или когнитивные искажения, а как устойчивый социальный феномен, требующий системной социологической интерпретации. Парадокс современности заключается в том, что, несмотря на провозглашенный еще в середине XX в. Д. Беллом «конец идеологий» и исчерпание больших политических нарративов, конспирологические теории не только не утратили своего влияния, но и приобрели новые формы, успешно конкурируя с официальными институтами знания и мобилизуя сторонников вне прямого государственного принуждения (Bell, 1960). Этот эмпирический факт ставит перед социологической теорией вопрос о природе конспирологии: является ли она патологией индивидуального мышления, продуктом «провалов» образования или представляет собой самостоятельную форму идеологической работы по производству и воспроизводству коллективных смыслов?

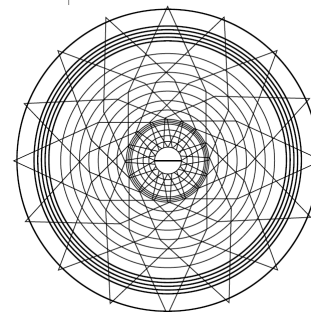
Существующие подходы к изучению конспирологии — преимущественно психологические (фокус на когнитивных искажениях) (Douglas et al., 2017; Gagliardi, 2025) и политологические (анализ риторики; Bergmann, 2024; Blackington, Cayton, 2025) — обладают значительной объяснительной силой в отношении индивидуальных мотивов и тактик убеждения. Однако те, кто их использует, упускают из виду системную социальную природу этого явления. Попытки социологического анализа конспирологии как формы идеологии остаются фрагментированными и не сведены в последовательную теоретическую модель (Васа, 2024; Peker & Dufour, 2025). Между тем именно идеологическая оптика, разработанная в рамках социологии знания (Мангейм, 1994) и теории гегемонии (Грамши, 1959), предоставляет инструментарий для понимания того, как конспирологические системы производят целостную картину мира, конституируют субъекта и обеспечивают групповую консолидацию за счет механизмов, изоморфных классическим идеологиям.

Целью настоящей статьи является подтверждение или опровержение гипотезы о том, что конспирология представляет собой специфическую форму

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

тотальной идеологии, действующую в поле культурной борьбы за гегемонию. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: систематизация ключевых теоретических подходов к концептуализации идеологии и конспирологии; выявление структурных элементов, общих для обоих феноменов; определение их социальных функций; критическое осмысление места конспирологии в современной идеологической динамике с привлечением аппарата структурно-функционального анализа.

Методологическую основу исследования составляет сравнительный анализ, реализованный в логике структурно-функционального подхода (Мертон, 2006), позволяющий сопоставить конспирологию и идеологию по критериям внутренней организации и выполняемых социальных ролей. Дополнительно применяются методы теоретической концептуализации и классификации для упорядочения эмпирического многообразия конспирологических нарративов.

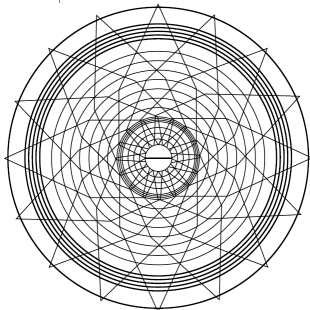
Статья состоит из трех разделов. В первом рассматривается теоретическая рамка исследования — эволюция понятия «идеология» (Маркс, Энгельс, 1988; Мангейм, 1992; Грамши, 1959; Альтюссер, 2006; Bell, 1960) и основные подходы к изучению конспирологии (Hofstadter, 1965; Barkun, 2003; Шнирельман, 2022; Прилуцкий, 2020). Во втором разделе проводится детальное сопоставление структурных элементов и социальных функций двух феноменов, а также обсуждается значение теоремы Р. Мертона о функциональных альтернативах (Мертон, 2006) для обоснования их сущностного родства. В заключительном разделе формулируются выводы о природе конспирологии как форме идеологии, адаптированной к условиям кризиса легитимности официальных институтов, и обозначаются перспективы дальнейших исследований.

2. Теоретическая рамка исследования

Объектно-предметной областью исследования являются феномен идеологии и конспирологические теории. Каждая из рассматриваемых концепций предлагает собственное объяснение механизмов производства и воспроизводства коллективных смыслов, а также их роли в социальной интеграции и борьбе за власть. Для последующего сопоставления с конспирологией необходимо выделить ключевые положения, которые задают аналитическую оптику.

2.1 Концептуализация понятия «идеология»

В марксистской традиции идеология определяется не как преднамеренная ложь, а как иллюзорное, превратное отражение реального бытия, корнящееся в самом материальном процессе производства. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

идеологии» подчеркивают, что «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей» (Маркс и Энгельс, 1988). Идеологическое сознание трактуется как «камера-обскура»: оно переворачивает реальные общественные отношения, но делает это не по злему умыслу, а в силу того, что сами эти отношения на поверхности выступают в превращенной форме. Важнейший для нашего исследования вывод К. Маркса состоит в том, что ложное сознание — не ошибка восприятия, а системный эффект социальной структуры. Это снимает вопрос о моральной ответственности и переводит проблему в плоскость структурной обусловленности мышления. Идеология, таким образом, предстает как необходимый момент существования общества, в котором способ производства отчуждает человека от его собственной деятельности.

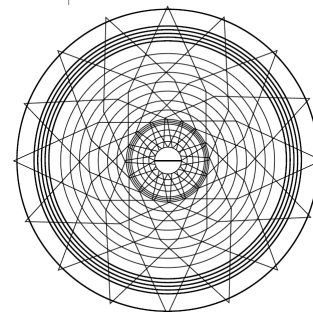
В социологии знания К. Мангейма марксистская критика идеологии получает методологическое завершение. Отталкиваясь от идей К. Маркса, Мангейм вводит ключевое для нашей работы разграничение между «частичной» и «тотальной» идеологией. Частичная идеология — это метод интерпретации высказываний оппонента, функционирующий на уровне психологии индивида и позволяющий вскрывать сознательные искажения. Тотальная идеология — целостное мировоззрение социальной группы (класса, поколения), структурно организованная система мышления, укорененная в конкретной социальной позиции и защищенная от внешней критики механизмами самообоснования (Мангейм, 1992). К. Мангейм формулирует этот принцип с предельной ясностью: «Человеческое мышление конституируется не в свободном парении внутри социального вакуума; напротив, оно всегда уходит своими корнями в определенную социальную сферу» (Мангейм, 1992). Именно это понимание идеологии как тотальной, самозамкнутой структуры сознания будет в дальнейшем использовано для сопоставления с конспирологией.

Принципиальный шаг в понимании практического функционирования идеологии делает А. Грамши. В отличие от К. Маркса и К. Мангейма, которые акцентируют гносеологическую (иллюзорную) природу идеологии, А. Грамши переносит акцент на ее роль в производстве и поддержании власти. Он вводит понятие «гегемонии» — способа утверждения классового господства не через прямое насилие, а через «активное согласие» управляемых, производимое институтами гражданского общества (школой, церковью, СМИ, профсоюзами). Как пишет А. Грамши, «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения» (Грамши, 1959). Ключевую роль в этом процессе играют «органические интеллигенты» — проводники классового самосознания, которые

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

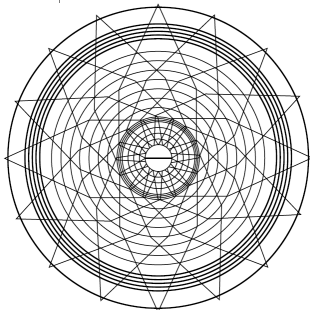

артикулируют интересы группы в форме универсального, самоочевидного знания.

А. Грамши различает органических интеллигентов (порождаемых самим классом) и традиционных (воспринимаемых как независимые носители знания). Конспирологический дискурс, как будет показано далее, активно паразитирует на фигуре «независимого исследователя», стилизованного под традиционного интеллигента, который бросает вызов официальной науке и государству. Однако его независимость мнима, поскольку его нарратив обслуживает определенные групповые интересы и воспроизводит структуру тотальной идеологии.

Дальнейшее развитие марксистская теория идеологии получила в работах Л. Альтюссера, который перенес акцент с гносеологической критики на анализ практического функционирования идеологии. Л. Альтюссер подчеркивает, что идеология — это не просто совокупность идей или ложных представлений, а система представлений, обладающая «определенным историческим бытием», в которой «ее практически-социальная функция господствует в ней над функцией теоретической (или функцией познания)» (Альтюссер, 2006). Ключевой вклад Л. Альтюссера состоит в тезисе об интерпелляции — механизме, посредством которого идеология «окликает» индивидов и превращает их в субъектов, готовых действовать в соответствии с предлагаемой картиной мира. Идеология, по Л. Альтюссеру, конституирует субъекта, предлагая ему готовые идентичности и способы действия, причем он отмечает, что «идеология... есть (сверхдетерминированное) единство реального и воображаемого отношений к реальным условиям их существования» (Альтюссер, 2006). Именно этот подход позволяет в дальнейшем анализировать конспирологию не как совокупность ложных утверждений, а как реальную социальную практику, которая производит и воспроизводит определенный тип субъекта — «борца с заговором», «независимого исследователя», «знающего правду».

Наконец, «диагноз» исторической судьбе идеологических систем в середине XX в. поставил Д. Белл, констатировав «конец идеологий» как исчерпание больших политических нарративов (Bell, 1960). Однако Д. Белл не утверждает исчезновения идеологического мышления как такового. Он фиксирует его трансформацию: старые формы уступают место новым — более фрагментированным, аморфным, действующим через моральную панику и поиск врага. Как подчеркивает Д. Белл, «конец идеологии не есть конец утопии» (Bell, 1960). Именно этот тезис становится отправной точкой для анализа конспирологии как одной из таких новых форм, заполняющих пространство, освободившееся после упадка классических идеологий.

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

2.2 Основные подходы к исследованию конспирологических теорий

Для концептуализации конспирологии в данной работе ключевое значение имеют четыре теоретических подхода, каждый из которых фиксирует определенный аспект этого феномена.

Американский историк Р. Хофштадтер в эссе «Параноидальный стиль в американской политике» предлагает рассматривать конспирологию как особый модус политической риторики и интерпретации реальности. Отличительная черта этого стиля, по Хофштадтеру, — не просто вера в заговоры, а убежденность в том, что «обширная» или «гигантская» конспирация является движущей силой исторических событий (Hofstadter, 1965). Этот модус характеризуется «доказательной избыточностью»: адепт собирает колоссальный объем квазифактов, каждый из которых, вырванный из контекста, работает на общую картину, а также радикальной неспособностью к самокритике и отрицанием случайности. Все, что происходит, вписано в заранее заданный план могущественных врагов. Важно, что термин «параноидальный» используется Р. Хофштадтером не в клиническом, а в политико-стилистическом смысле для описания типа восприятия реальности.

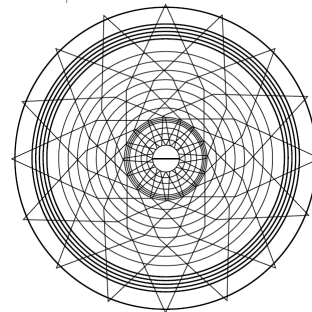
М. Баркун в работе «Культура заговора» углубляет этот тезис, связывая конспирологию с эсхатологией и вводя понятие «стигматизированного знания» — информации, отвергаемой официальными институтами (наукой, государством), но дающей адепту ощущение причастности к подлинной реальности, скрытой от профанов (Barkun, 2003). М. Баркун фиксирует феномен «эпистемической замкнутости» конспирологических сообществ: любые внешние опровержения интерпретируются как подтверждение заговора («они пытаются скрыть правду»), а внутренние противоречия объясняются дополнительными надстройками гипотез. Такая самозащита роднит конспирологию с тотальной идеологией по К. Мангейму: и там, и здесь система мышления защищена от эмпирической фальсификации, поскольку содержит в себе механизмы объяснения любой критики. Стигматизированное знание, следовательно, не просто альтернативно — оно структурно организовано так, чтобы воспроизводить собственную истинность вне зависимости от эмпирических данных.

В. А. Шнирельман в монографии «Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии» на обширном историческом материале прослеживает глубинную связь между эсхатологическими ожиданиями и современным конспирологическим мышлением. Шнирельман подробно разбирает историю конспирологических учений, их классификацию и типологизацию, характеризуя современную российскую конспирологию как «гибридный эклектический

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

характер теории заговора, соединяющий в самых разных сочетаниях геополитику, христианскую эсхатологию и эзотерику с советским наследием» (Шнирельман, 2022). Именно эта гибридность парадоксальным образом не ослабляет, а усиливает конспирологическую картину мира, позволяя ей абсорбировать любые новые факты и адаптироваться к любой аудитории. В. А. Шнирельман показывает, что конспирологические нарративы почти всегда окрашены апокалиптически: заговор приближается к своей завершающей стадии, и промедление равносильно гибели.

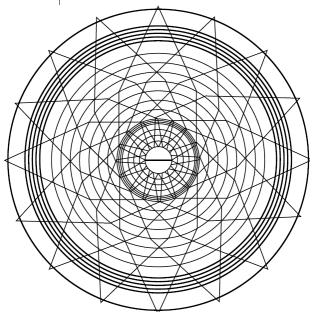
Наконец, герменевтический аспект функционирования конспирологического мифа раскрывается в статье А. М. Прилуцкого, который анализирует семиотическую структуру конспирологического дискурса и показывает как носитель конспирологического мышления интерпретирует реальность. Повседневность сакрализуется, превращаясь в поле священной борьбы (Прилуцкий, 2020). Сам миф вторичен по отношению к информационному экзотерическому фону конкретного события. Сначала событие получает профанную интерпретацию, а затем трактуется через призму близкого современной массовой культуре архаико-магического типа рациональности. Мы предлагаем рассматривать это как ловушку для интерпретатора. Этот механизм, как будет показано далее, функционально аналогичен интерпелляции в классической идеологии по Л. Альтюссеру: он конституирует субъекта, который не просто верит в заговор, а активно участвует в его «разоблачении».

Проведенная концептуализация позволяет рассматривать конспирологию как структурно организованный феномен, обладающий устойчивыми признаками тотальной идеологии: целостностью картины мира, защищенностью от внешней критики (эпистемической замкнутостью), наличием фигуры носителя истинного знания и механизмами групповой консолидации, включая производство специфического субъекта. Дальнейший сравнительный анализ будет направлен на верификацию этого тезиса на уровне структуры и социальных функций.

3. Методология

Исходным методологическим принципом исследования выступает сравнительный анализ, адаптированный к задаче сопоставления разнородных теоретических объектов — конспирологических нарративов и классических идеологических систем.

Поскольку концептуализация идеологии (Маркс, Энгельс, 1988; Мангейм, 1992; Грамши, 1959; Альтюссер, 2006; Bell, 1960) по-разному отвечает на вопросы о природе коллективных представлений, механизмах их воспроизводства и

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

социальных функциях, эти аспекты становятся объектами анализа. Для системного сопоставления нами были выделены четыре структурных элемента и три функции.

Структурные элементы:

1. картина мира (способ организации реальности; наличие бинарных оппозиций);
2. фигура врага (кто назначается источником угрозы и как он репрезентируется);
3. объяснительная схема (способ интерпретации событий и устойчивость к критике);
4. фигура носителя истинного знания (кто производит и легитимирует знание внутри системы).

Социальные функции:

1. интеграционная (как система консолидирует группу);
2. мобилизационная (как система побуждает к действию);
3. легитимирующая (как система обосновывает собственную легитимность и стабилизирует идентичность группы).

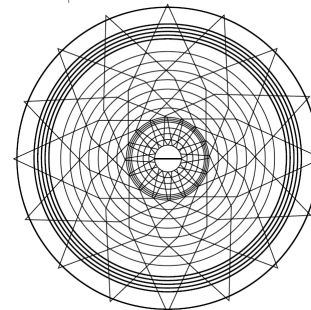
Особое значение для обоснования выводов имеет теорема функционального анализа Р. Мертона, согласно которой одна и та же социальная функция может выполняться различными структурами — так называемыми функциональными альтернативами, или функциональными эквивалентами (Мертон, 2006). Применение этой теоремы позволяет методологически корректно поставить вопрос: конспирология является функциональным эквивалентом идеологии (т. е. выполняет те же функции, но имеет иную структуру) или воспроизводит ту же структурную логику, что и тотальная идеология, и потому может быть квалифицирована как ее видовая форма? Ответ на этот вопрос требует не простого совпадения по отдельным функциям, а системного изоморфизма по совокупности структурных элементов и функционального комплекса в их целостности.

Сравнительный анализ строится на следующей логической последовательности: сначала фиксируются общие структурные элементы (что позволяет утверждать, что конспирология устроена как идеология), затем

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

сопоставляются социальные функции (что позволяет утверждать, что конспирология работает как идеология), и, наконец, с привлечением теоремы Р. Мертона обсуждается вопрос о сущностном родстве, а не случайной аналогии двух феноменов.

4. Сравнительный анализ

Сравнительный анализ конспирологических теорий и тотальной идеологии проводится на основе четырех структурных элементов и трех социальных функциях, представленных в данном разделе.

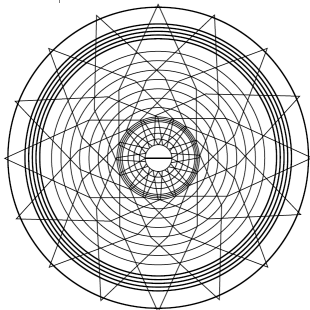
4.1 Структурные элементы

4.1.1 Бинарная картина мира

Всякая тотальная идеология строит описание реальности на фундаментальной оппозиции «мы — они»: класс против класса, нация против нации, традиция против модерна. Как фиксирует К. Мангейм, каждая форма утопического сознания обращается против остальных, и «в качестве этой “реальности” противнику всегда предлагается иным образом структурированное бытие» (Мангейм, 1992). Бинарность устраняет амбивалентность и дает адепту ясную систему координат. Конспирологическая картина мира воспроизводит ту же структуру, доводя ее до предела: «посвященные, знающие правду» противопоставлены «заговорщикам, скрывающим ее». Как показывает В. А. Шнирельман, «из советского наследия конспирология берет идею антагонистических противоречий, но если для советской идеологии это означало борьбу с внешним буржуазным миром, то современные конспирологи заменяют его миром Запада» (Шнирельман, 2022). Любое событие безошибочно относится к действию одной из двух сторон.

4.1.2 Фигура врага

В классических идеологиях враг может быть классовым, национальным, религиозным или цивилизационным. Он служит для негативной консолидации группы и объяснения неудач. Идеология, особенно институционализированная, называет врага открыто. Конспирология специфицирует эту фигуру: враг не просто конкурент, а тайный манипулятор, действующий скрытно, обладающий чрезвычайной силой и злым умыслом. К. Поппер иллюстрирует это библейским образом: «единственным объяснением неудач в деле построения рая на земле выступает у них противодействие дьявола, который прикладывает все силы для создания ада» (Поппер, 1992). Невидимость врага позволяет бесконечно

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

расширять круг подозреваемых и поддерживать состояние перманентной мобилизации.

4.1.3 Объяснительная схема, устойчивая к фальсификации

Тотальная идеология организует восприятие реальности так, что все факты, противоречащие ей, либо отбрасываются, либо переинтерпретируются в ее рамках. Наличие внутреннего «защитного пояса» предохраняет ядро системы от столкновения с опытом. Конспирологические системы обладают свойством «эпистемической замкнутости» (Баркун, 2003): любое внешнее опровержение трактуется как подтверждение заговора («они пытаются скрыть правду»), а внутренние противоречия устраняются дополнительными гипотезами. Система воспроизводит себя независимо от эмпирических данных. Этот механизм структурно аналогичен тому, что в социологии знания описывается как способность тотальной идеологии сохранять свою целостность перед лицом любых контраргументов (Мангейм, 1992).

4.1.4 Фигура носителя истинного знания

В классической идеологии роль носителей истинного знания выполняют «органические интеллигенты» (Грамши, 1959), которые артикулируют интересы класса и придают им форму универсального, самоочевидного знания. В конспирологии аналогом выступает фигура «независимого расследователя», который производит и распространяет нарратив, апеллируя к «стигматизированному знанию» (Баркун, 2003), недоступному официальным институтам. Его авторитет строится на противопоставлении «официальной лжи» и личной интуиции. А. М. Прилуцкий показывает, что этот механизм выполняет в конспирологии ту же функцию, что и интерпелляция в классической идеологии Альтюссера: он производит и легитимирует знание изнутри группы, конституируя субъекта, который не просто верит в заговор, а активно участвует в его «разоблачении» (Прилуцкий, 2020).

Так, на уровне базовой структуры конспирология изоморфна тотальной идеологии. Она располагает теми же четырьмя несущими элементами. Различие проходит по способу легитимации и институциональной опоре. Этот вывод создает основу для анализа социальных функций.

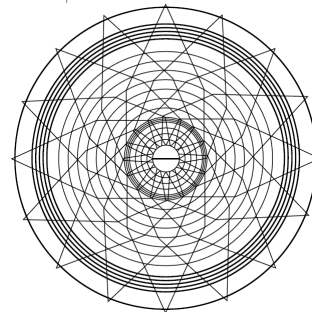
4.2 Социальные функции

Помимо структурного изоморфизма, конспирология и тотальная идеология обнаруживают сходство на функциональном уровне. Как показано далее, обе системы выполняют три общие социальные функции, хотя и в разных режимах.

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

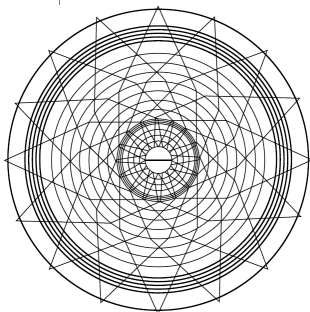
*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

Первой мы рассмотрим интеграционную функцию. Идеология решает задачу сплочения социальной группы вокруг общего мировоззрения, задавая ее членам единую систему координат. Тотальная идеология не просто описывает мир, а производит коллективную идентичность. А. Грамши добавляет, что интеграция в господствующую идеологию осуществляется через гегемонию — «активное согласие», производимое институтами гражданского общества. Конспирология выполняет ту же интеграционную функцию, но на иной основе. Если классическая идеология интегрирует группу через позитивную программу (образ справедливого общества), то конспирология интегрирует преимущественно через негативную идентичность: общность «посвященных» конституируется не столько общим идеалом, сколько общим врагом и общим знанием о его тайных планах. Как отмечает М. Баркун, принадлежность к сообществу «знающих правду» дает адепту ощущение избранности и компенсирует его маргинальное положение (Баркун, 2003).

Второй функцией, которую мы рассмотрим, является интегративная функция. Идеология не только описывает мир, но и побуждает к действию. А. Грамши настаивает на том, что идеология — это поле практической борьбы за гегемонию. Органические интеллигенты формулируют цели, ценности и формируют образ будущего, превращая аморфную массу в политическую силу. Конспирология мобилизует сторонников иначе. Поскольку она лишена доступа к государственному аппарату принуждения, ее мобилизационный потенциал реализуется через апелляцию к моральной панике и эсхатологическому напряжению. Как показывает В. А. Шнирельман, конспирологический нарратив почти всегда окрашен апокалиптически: заговор приближается к своей завершающей стадии, и промедление равносильно гибели (Шнирельман, 2022). Мобилизация носит оборонительный характер — сопротивление катастрофе, а не строительство будущего.

Третья выявленная функция — легитимирующая. В мангеймовской перспективе тотальная идеология скрывает от группы действительное состояние общества и тем самым стабилизирует существующий порядок. Господствующая идеология легитимирует наличные социальные отношения, представляя их как естественные и справедливые. А. Грамши говорит о гегемонии как о «бронировании» государства: идеология обеспечивает добровольное согласие управляемых. Конспирология, на первый взгляд, выполняет противоположную функцию: она делегитимирует официальные институты. На глубинном уровне конспирология также стабилизирует социальный порядок, но не официальный, а тот альтернативный, который она сама создает. Эпистемическая замкнутость (Баркун,

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

2003) превращает конспирологическую картину мира в самоподдерживающуюся систему. Как отмечает Л. Г. Фишман, конспиролог, обвиняя официальные идеологии в несостоятельности, сам воспроизводит ту же структуру тотального объяснения (Фишман, 2008).

Анализ показывает, что конспирология и идеология выполняют три общие социальные функции: интеграционную, мобилизационную и легитимирующую. Однако они реализуют их в разных режимах. Идеология действует в открытом поле политической борьбы, опираясь на институты и позитивную программу. Конспирология действует в режиме тайного знания, компенсируя институциональную слабость эсхатологическим напряжением и негативной консолидацией вокруг фигуры врага.

4.3 Теорема функционального анализа Р. Мертона

Проведенный сравнительный анализ позволяет перейти от констатации отдельных сходств между конспирологией и идеологией к системному выводу об их сущностном родстве. Как было показано в предыдущем разделе, конспирология обнаруживает структурный изоморфизм с тотальной идеологией по четырем базовым элементам, а также выполняет три сходные социальные функции, хотя и в иных режимах. Однако сам по себе факт совпадения по набору функций не является достаточным основанием для отнесения конспирологии к классу идеологических феноменов. Здесь требуется дополнительное методологическое обоснование, которое дает теорема функционального анализа Р. Мертона.

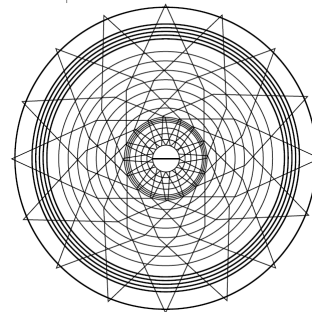
Р. Мертон в «Социальной теории и социальной структуре» подвергает критике постулат функциональной необходимости, согласно которому определенная социальная функция может выполняться лишь одной-единственной структурой. Его «главная теорема функционального анализа» утверждает обратное: «Точно так же, как один и тот же элемент может иметь многочисленные функции, так и одну и ту же функцию могут разнообразно выполнять альтернативные элементы» (Мертон, 2006). Р. Мертон вводит понятие «функциональных альтернатив» (или «функциональных эквивалентов») и на множестве примеров демонстрирует, что внешне несхожие социальные формы могут успешно замещать друг друга в выполнении одной и той же работы.

На первый взгляд, теорема способна поставить под сомнение центральный тезис настоящей работы: если одна функция может выполняться разными структурами, то совпадение конспирологии и идеологии по набору функций еще не гарантирует их принадлежности к одному классу явлений: они могут оказаться

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

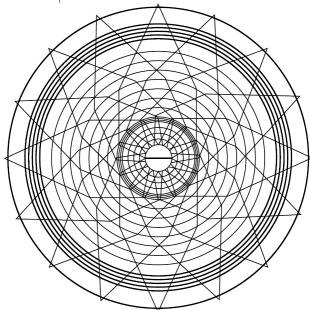

именно функциональными альтернативами, а не видовыми формами. Однако более внимательное прочтение мертоновского аргумента показывает, что он не только не опровергает нашу логику, но и позволяет ее дополнительно обосновать.

Во-первых, сам Р. Мертон подчеркивал, что понятие функциональной альтернативы не отменяет существования структурных ограничений: «Круг различных структур, которые могут выполнять определенные функции в социальной структуре, не безграничен... Взаимозависимость элементов социальной структуры ограничивает реальную возможность изменений или функциональных альтернатив» (Мертон, 2006). Иными словами, функциональная эквивалентность всегда реализуется внутри некоторого структурного поля возможностей, а не в вакууме. Следовательно, если мы обнаруживаем два феномена, совпадающих не по одной, а по целому комплексу функций — в нашем случае интеграционной, мобилизационной и легитимирующей — и одновременно воспроизводящих одинаковый набор взаимосвязанных структурных элементов, то такая системная изоморфность существенно превосходит порог «одной функции — разных структур», о котором говорит Р. Мертон.

Во-вторых, мертоновская логика функциональных альтернатив предполагает, что сами альтернативные структуры, как правило, принадлежат к разным классам явлений и различаются именно своей «анатомией». Скажем, миф, ритуал и законодательный акт могут выполнять сходную функцию социального контроля, оставаясь при этом в разных категориальных рядах. В нашем же случае структурная «анатомия» конспирологии и тотальной идеологии не просто функционально эквивалентна, а почти идентична вплоть до способа организации «защитного пояса» от критики. Эпистемическая замкнутость, охарактеризованная М. Баркуном для конспирологии (Barcup, 2003), структурно тождественна тому механизму, который К. Мангейм описывает как «тотальную идеологию» (Мангейм, 1992): целостная система мышления, внутри которой любое внешнее опровержение переосмысливается в терминах самой системы. Исходя из этого, перед нами не две различные структуры, обслуживающие общую функцию, а два варианта одной и той же структурной логики, адаптированные к разным условиям — институциональному (идеология) и внеинституциональному (конспирология).

В-третьих, Р. Мертон проводит границу между функциональным анализом отдельного элемента и анализом целостных систем. Он предупреждает: «Мы уже видели, к каким трудностям ведет ограничение анализа функциями, выполняемыми для «общества», поскольку элементы могут быть функциональны для одних индивидов и подгрупп и дисфункциональны для других. Поэтому

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

необходимо рассмотреть круг единиц, для которых элемент имеет определенное значение: индивиды с разнообразными статусами, подгруппы, более крупная социальная система и культурные системы» (Мертон, 2006). Это методологическое требование анализировать функции не абстрактно, а в их системной взаимосвязи и в привязке к конкретным социальным группам означает, что совпадение двух феноменов по целостному функциональному комплексу указывает на их глубинное родство. Следовательно, если мы рассматриваем интеграционную, мобилизационную и легитимирующую функции не изолированно, а во взаимной связи и обнаруживаем, что оба феномена реализуют эту функциональную триаду как целостный комплекс для своей «аудитории», это свидетельствует в пользу не случайного совпадения, а типологического единства.

Таким образом, принцип функциональных альтернатив не подрывает тезис о конспирологии как форме идеологии. Конспирология является идеологией не по единичной функции, а воспроизводит ее структурно-функциональную целостность, оставаясь в пределах того структурного поля, которое К. Мангейм очертил понятием «тотальная идеология». Следовательно, в методологическом плане наш вывод не противоречит ни мангеймовской социологии знания, ни мертоновскому функциональному анализу.

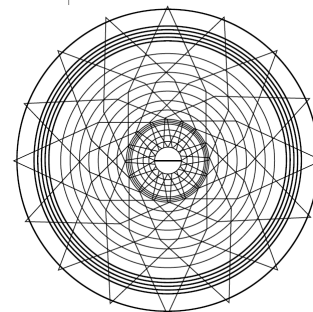
Конспирология представляет собой именно форму тотальной идеологии в мангеймовском смысле. Специфика этой формы определяется условиями ее функционирования. Конспирология действует вне государственного аппарата принуждения, в конкурентном поле гражданского общества, где гегемония не может быть обеспечена «бронею» институтов. Отсутствие институциональной опоры компенсируется тремя механизмами: во-первых, предельной эпистемической замкнутостью (Barcup, 2003), делающей систему неуязвимой для внешних опровержений; во-вторых, эсхатологическим напряжением, которое заменяет позитивную программу мобилизацией через страх перед надвигающейся катастрофой (Шнирельман, 2022); в-третьих, особым способом интерпретации и оценивания реальности, совместимым с современной массовой культурой и позволяющим конспирологу почувствовать себя частью большего, чем может предложить действительность, что позволяет вовлечь его в теорию заговора (Прилуцкий, 2020).

Из этого следует что конспирология не просто «похожа» на идеологию, а реализует идеологическую работу (смыслопроизводство, групповую консолидацию, борьбу за гегемонию) в специфических условиях кризиса легитимности официальных институтов знания и государства. Фигура

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

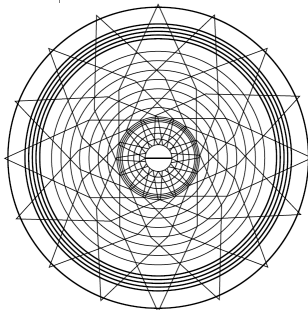
«независимого исследователя», остающаяся грамшианским «органическим интеллигентом» но стилизованная под «традиционного интеллигента», выдвигает альтернативную тотальную картину мира, которая не просто конкурирует с официальной, но и оспаривает саму ее способность быть источником достоверного знания. Именно в этом смысле конспирология есть форма идеологии: она не обладает государственной, но располагает герменевтической «броней», защищающей ее ядро от фальсификации и обеспечивающей воспроизводство групповой идентичности ее носителей.

5. Заключение

Ключевым результатом исследования является вывод о том, что конспирология представляет собой форму тотальной идеологии, а не ее искажение, патологию или принципиально иной феномен. Специфика этой формы определяется условиями ее функционирования. Конспирология действует вне государственного аппарата принуждения, в конкурентном поле гражданского общества, где гегемония не может быть обеспечена «броней» институтов. Отсутствие институциональной опоры компенсируется тремя механизмами: предельной эпистемической замкнутостью, делающей систему неуязвимой для внешних опровержений; эсхатологическим напряжением, заменяющим позитивную программу мобилизацией через страх перед надвигающейся катастрофой; способом вовлечения адепта — через архаичные ценности и сакрализацию повседневности.

Ограничения исследования связаны с его теоретическим характером и отсутствием эмпирической проверки предложенной концептуальной модели. Кроме того, за рамками анализа остались современные подходы, развивающие проблематику алгоритмического управления коммуникацией и платформенной экономики внимания, которые могут существенно модифицировать механизмы функционирования конспирологических нарративов в цифровой среде.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической апробацией предложенной теоретической рамки, в том числе с анализом конкретных конспирологических сообществ, механизмов их формирования и воспроизводства в цифровых средах. Кроме того, перспективным направлением является сравнительный анализ конспирологических теорий в различных культурных и политических контекстах с целью выявления универсальных и специфических механизмов их функционирования.

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

БИБЛИОГРАФИЯ

Альтюссер, Л. (2006). За Маркса (А. В. Денежкин, пер.). Праксис.

Баллаев, А. Б. (1998). Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса. Вопросы философии, 3, 55–75.

Грамши, А. (1959). Избранные произведения в трех томах. Том 3. Тюремные тетради. (В. С. Бондарчук, Э. Я. Егерман, И. Б. Левин, пер.). Издательство иностранной литературы.

Мангейм, К. (1992). Идеология и утопия (М. И. Левина, пер.).

Мангейм, К. (1994). Диагноз нашего времени. Юрист.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1988). Немецкая идеология. Политиздат.

Мертон, Р. (2006). Социальная теория и социальная структура. АСТ.

Поппер, К. (1992). Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона (В. Н. Садовский, ред. и пер.). Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива».

Поппер, К. (1992). Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков (В. Н. Садовский, ред. и пер.). Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива».

Прилуцкий, А. М. (2020). К вопросу о герменевтических механизмах функционирования конспирологического мифа. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 4, 131–141.

Фишман, Л. Г. (2008). О двух секулярных ересях. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 3, 196–206.

Шнирельман, В., и Дугин, А. (2016). Возведение моста между эсхатологией и конспирологией. Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 4, 194–221.

Шнирельман, В. А. (2022). Удерживающий: От Апокалипсиса к конспирологии. Нестор-История.

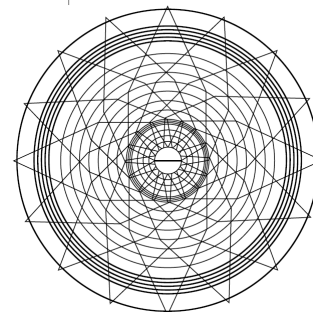
Baca, B. (2024). QAnon and the Epistemic Communities of the Unreal: A Conceptual Toolkit for a Sociology of Grassroots Conspiracism. Theory, Culture & Society, 41(4), 111–132. <https://doi.org/10.1177/02632764241258404>

Barkun, M. (2003). A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America. University of California Press.

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

Bell, D. (1960). *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. The Free Press of Glencoe.

Bergmann, E. (2024). Three-step rhetorical model of conspiratorial populism. In S. Newman & M. Conrad (Eds.), *Post-truth populism: A new political paradigm* (pp. 217–245). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-64178-7_8

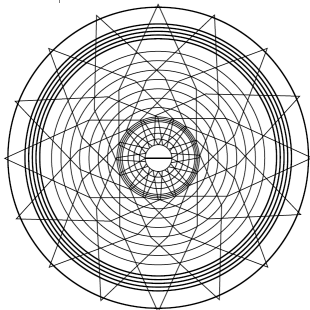
Blackington, C., Cayton, F. (2025). To Dog-Whistle or to Bark? Elite Communication. *Strategies When Invoking Conspiracy Theories. Government and Opposition*, 60(2), 382–403. <https://doi.org/10.1017/gov.2024.21>

Douglas, K., Sutton, R., & Cichocka, A. (2017). The Psychology of Conspiracy Theories. *Current Directions in Psychological Science*, 26(6), 538–542. <https://doi.org/10.1177/0963721417718261>

Gagliardi, L. (2025). The role of cognitive biases in conspiracy beliefs: A literature review. *Journal of Economic Surveys*, 39(1), 32–65. <https://doi.org/10.1111/joes.12604>

Hofstadter, R. (1965). The paranoid style in American politics. In *The paranoid style in American politics and other essays* (pp. 3–40). Harvard University Press.

Peker, E., Dufour, F. (2025). Bridging the Cognitive/Collective and Supply/Demand Divides in Conspiracy Theory Research. *Social Science Quarterly*, 106(2), 1–12. <https://doi.org/10.1111/ssqu.70005>

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

CONSPIRACY THEORY AS A SPECIFIC FORM OF TOTAL IDEOLOGY: STRUCTURAL-FUNCTIONAL ANALYSIS

Shilova V. A.

Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Laboratory
for Research on Problems of Information and Social Technologies,
Institute of Sociology, FCTAS RAS

(Moscow, Russia)

vsilova@yandex.ru

Fedorov M. A.

Student of the Bachelor's Program "Sociology",
State Academic University for the Humanities (GAUGN)

(Moscow, Russia)

beksalievtimur@gmail.com

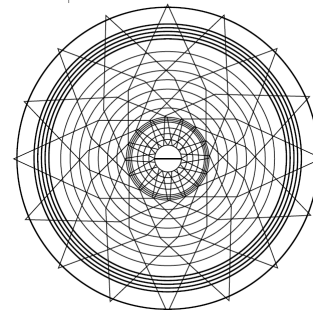
Abstract:

The article explores the theoretical foundations of conspiracy theories as a unique form of total ideology. In an era often described as "post-ideology," where major political narratives are expected to wane, conspiracy theories not only persist but also evolve, competing with official knowledge institutions and mobilizing support outside state control. The study aims to verify or refute the hypothesis that conspiracy theory shares essential characteristics with total ideology through a comparative analysis of their structural elements and social functions. Methodologically, the research employs structural-functional analysis, drawing on the sociology of knowledge by Karl Mannheim, Antonio Gramsci's theory of hegemony, and Louis Althusser's concept of interpellation. The findings reveal that conspiracy theory mirrors total ideology in four key aspects: a binary worldview, the figure of an enemy, an explanatory framework resistant to falsification, and a bearer of true knowledge. Additionally, both serve similar social functions: integration, mobilization, and legitimation. Employing Robert Merton's functional analysis, the article demonstrates that conspiracy theory is not merely a functional equivalent of ideology but a distinct form. The authors argue that the specificity of conspiracy theory as an ideological form lies in its lack of institutional support. This deficit is compensated by epistemic closure, eschatological tension, and the sacralization of everyday life. This conceptualization allows us to understand conspiracy theory not as an aberration of individual thought but as a systemic social phenomenon. It generates and perpetuates collective meanings in the face of a crisis in the legitimacy of official institutions.

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

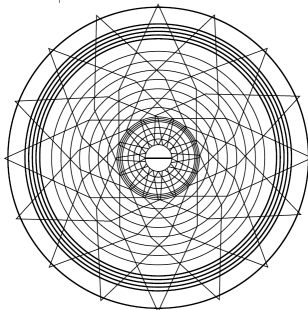
*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

Keywords: total ideology, conspiracy theory, the end of ideology, hegemony, sociology of knowledge, structural-functional analysis

REFERENCES

- Althusser, L. (2006). *Za Marksa* (A. V. Denezhkin, Trans.). Praksis.
- Ballaev, A. B. (1998). Problema ideologii v tvorchestve Karla Marksa. *Voprosy filosofii*, 3, 55–75.
- Gramsci, A. (1959). *Izbrannyye proizvedeniya v trekh tomakh. Tom 3. Tyuremnyye tetradi* (V. S. Bondarchuk, E. Ya. Egerman, & I. B. Levin, Trans.). Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
- Mannheim, K. (1992). *Ideologiya i utopiya* (M. I. Levina, Trans.).
- Mannheim, K. (1994). *Diagnoz nashego vremeni*. Yurist.
- Marx, K., & Engels, F. (1988). *Nemetskaya ideologiya*. Politizdat.
- Merton, R. (2006). *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. ACT.
- Popper, K. (1992a). *Otkrytoye obshchestvo i ego vragi. T. 1: Chary Platona* (V. N. Sadovskiy, Ed. & Trans.). Feniks; Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa».
- Popper, K. (1992b). *Otkrytoye obshchestvo i ego vragi. T. 2: Vremya Izheprorokov* (V. N. Sadovskiy, Ed. & Trans.). Feniks; Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa».
- Prilutskiy, A. M. (2020). K voprosu o germevticheskikh mekhanizмах funktsionirovaniya konspirologicheskogo mifa. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*, 4, 131–141.
- Fishman, L. G. (2008). O dvukh sekulyarnykh yeresyakh. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 3, 196–206.
- Shnirelman, V., & Dugin, A. (2016). Vozvedeniye mosta mezhdue eskhatologiyey i konspirologiyey. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 4, 194–221.
- Shnirelman, V. A. (2022). *Uderzhivayushchiy: Ot Apokalipsisa k konspirologii*. Nestor-Istoriya.
- Baca, B. (2024). QAnon and the Epistemic Communities of the Unreal: A Conceptual Toolkit for a Sociology of Grassroots Conspiracism. *Theory, Culture & Society*, 41(4), 111–132. <https://doi.org/10.1177/02632764241258404>
- Barkun, M. (2003). *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. University of California Press.
- Bell, D. (1960). *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. The Free Press of Glencoe.

[Научные статьи]

Шилова В. А., Бексалиев Т. Р.

*Конспирология как видовая форма тотальной идеологии:
структурно-функциональный анализ*

Bergmann, E. (2024). Three-step rhetorical model of conspiratorial populism. In S. Newman & M. Conrad (Eds.), *Post-truth populism: A new political paradigm* (pp. 217–245). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-64178-7_8

Blackington, C., & Cayton, F. (2025). To Dog-Whistle or to Bark? Elite Communication Strategies When Invoking Conspiracy Theories. *Government and Opposition*, 60(2), 382–403. <https://doi.org/10.1017/gov.2024.21>

Douglas, K., Sutton, R., & Cichocka, A. (2017). The Psychology of Conspiracy Theories. *Current Directions in Psychological Science*, 26(6), 538–542. <https://doi.org/10.1177/0963721417718261>

Gagliardi, L. (2025). The role of cognitive biases in conspiracy beliefs: A literature review. *Journal of Economic Surveys*, 39(1), 32–65. <https://doi.org/10.1111/joes.12604>

Hofstadter, R. (1965). The paranoid style in American politics. In *The paranoid style in American politics and other essays* (pp. 3–40). Harvard University Press.

Peker, E., & Dufour, F. (2025). Bridging the Cognitive/Collective and Supply/Demand Divides in Conspiracy Theory Research. *Social Science Quarterly*, 106(2), 1–12. <https://doi.org/10.1111/ssqu.70005>